АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Отрывокт изт неконгеннаго романа.)

ГЛАВА І.

Въ числъ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрътенія свъдъній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ Парижскомъ военномъ училищъ, выпущенъ быль капитаномъ артиллеріи, отличился въ Испанской войнъ, и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ посреди общирныхъ своихъ трудовъ не переставаль освъдомляться о своемъ любимцъ и всегда получалъ лестные отзывы насчеть его успъховь и поведения. Петръ быль чрезвычайно имъ доволенъ и неоднократно зваль его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онь отговаривался подъ различными предлогами: то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ, и Петръ Современ. 1837, № 2.

снисходительствоваль его просьбамь, просиль заботиться о своемь здоровьи, благодариль за ревность къ ученію, и, крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалълъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совъты и предостерегательныя наставленія.

По свидетельству всехъ историческихъ записокъ, начто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью Французовъ того времени. Последніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностію, важностію и приличіємъ двора, не оставили никакихъ следовъ. Герцогь Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастио не имълъ и тъни лицемърія. Оргіи Пале-Ролля не были тайною для Парижа; примъръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Law; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждою наслажденій и разсъянности; имънія исчезали, нравственность гибла; Французы смъялись и расчитывали, и государство распадалось подъ игривые принавы сатирическихъ водевилсй.

Между-тъмъ общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили всъ состоянія. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность — все что подавало пищу любопытству или объщало удовольствіс, было принято съ одинаковой благосклонностію. Литература, ученость и философія оставляли

тихій свой кабинеть и являлись въ кругу большаго свъта угождать модъ, управляя ея митніями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожанія. Поверхностная въжливость замънила глубокое почтеніе. Проказы герцога Ришсльё, Алкивіада новъйшихь Авинъ, принадлежатъ исторіи и дають понятіе о нравахъ сего времени.

> Tems fortuné, marqué par la licence, Où la folie agitant son grelot D'un pied leger parcourt toute la France, Où nul mortel ne daigne être dévot, Où l'on fait tout excepté penitence.

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижъ общее вниманіе. Всъ дамы желали видъть у себя le negre du Czar, и ловили его наперехватъ. Регентъ приглашаль его неразъ на свои всселые вечера; онъ присугствоваль на ужинахъ, одушевленныхъ молодостію Аруэта и старостію Шолье, разговорами Монтескьё и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостію своихъ лътъ и своей породы. Но мысль промънять это разсъяніе, эти блестящія забавы на простоту Петербуржскаго двора не одна ужасала Ибрагима: другія, сильнъйшія узы привязывали его къ Парижу. Молодой Африканець любиль.

Графиня L., уже не въ первомъ цвътъ лътъ, славилась еще свосю красотою. Семнадцати лътъ, при

выходъ ея изъ монастыря, выдали ее за человъка, котораго она не усиъла полюбить и который впослъдствіи никогда о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но по снисходительному уложенію свъта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смъшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ел быль самый модный: у ней соединялось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послъднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всъми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодаго негра какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствоваль, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ пимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ никъмъ незамѣченнымъ и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадъянности и притязаній самолюбія, что придавало ръдкую прелесть обращенію его съ женщинами. Разговоръ его быль прость и важень; онь понравился графинь L., которой надовли важныя шутки и тонкіе намеки Французскаго остроумія. Цбрагимь часто бываль у ней. Мало по малу она привыкла къ наружности молодаго негра и даже стала находить чтото пріятное въ этой курчавой головь, черньющей посреди пудренныхъ париковъ ея гостиной (Ибрагимь быль ранень въ голову и вмъсто парика носиль повязку). Ему было 27 леть отроду; онъ быль высокъ и строенъ, и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болье лестнымъ, нежели простое любопытство; но нредубъжденный Ибрагимь или ничего не замъчаль, или видъдъ одно лищь кокетстго. Когда же взоры его встръчались со взорами графини, недовърчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродущие, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозръвать и трни кокетства или насмыиливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣтъ графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ел встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданной милостію неба. Графиня, прежде чѣмъ онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ разсчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣян-

ность. Мервиль первый замьтиль эту взаимную склонность, и поздравиль Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняеть любви, какъ ободрительное замьчаніе посторонняго; любовь сльпа и, не довъряя самой себь, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной досель не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно графиня, испутанная изступленіемъ его страсти, хотъла противопоставить ей увъщанія дружбы и совъты благоразумія: она сама ослабъвала...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свъта. Новая связь графини стала скоро всъмъ извъстна. Нъкоторыя дамы изумлялись ел выбору, многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однъ смъллись, другія видъли съ ея стороны непростительную неосторожность. Въ первомъ упоеніи страсти Ибрагимъ и графиня ничего не замъчали; по вскоръ двусмысленныя шутки мужчинъ и колкія замъчанія женщинь стали до нихъ доходить. ное и холодное обращение Ибрагима досель ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносиль ихъ истерпъливо и не зналъ чемъ отразить. Графиня, привыкщая къ уваженію света, не могла хладнокровно видать ссбя предметомъ сплетней и насмъщекъ, Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекада его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ щумомъ не погубить ся совершенно.

Новое обстоятельство ещс болье запутало ея положение: обнаружилось слъдствие неосторожной любви. Графиня съ отчаяниемъ объявила о томъ Ибрагиму. Утъщения, совъты, предложения — все было истощено и все отвергнуто. Графиня видъла неминуемую гибель и съ отчаяниемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини стало извѣстно толки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали отъ ужаса, мужчины бились объ закладъ, кого родитъ графиня: бѣлаго ли или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались насчетъ ел мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день быль у нел. Онъ видълъ какъ силы душевныя и тълесныя постепенно въ ней исчезали. Ел слезы, ел ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мъры были приняты наскоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріъхалъ. Дня два передъ симъ уговорили бъдную женщипу уступить въ чужія руки новорожденнаго своего младенца: за нимъ послали повъреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетъ близь самой спальни, гдъ лежала несчастная графиня. Не смъя дышать, онъ слышалъ ел глухія стенанья, шопотъ служанки и приказанья доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ел раздиралъ его душу, каждый промежу-

токъ молчанія обливаль его ужасомъ.... Вдругь онъ услышаль слабый крикъ ребенка, и, не имъя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату графини... Черный младенецъ лежаль на постелъ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приближился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащиль Ибрагима оть ел постели. Новорожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лъстницъ. Принесли другаго ребенка и поставили его колыбель въ спальнъ, Ибрагимъ уъхалъ пемного успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узналь о счастливомь разръщени супруги и быль очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждъ и была принуждена утъщиться единымъ злословіемъ. Все вощло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемъниться, и что связь его рано или поздно могла дойти до свъдънія графа L. Вь такомь случать, что бы ни произошло, погибель графини была неизбъжна. Ибрагимъ дюбилъ страстно и также былъ дюбимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна; она любила не въ первый разъ. Отвращеніе, ненависть могли замънить въ ея сердщъ чувства самыя нъжныя. Ибрагимъ предвидълъ уже минуту ел охлажденія; досель онъ не въдалъ

ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображаль, что страданія разлуки должны быть менье мучительны, и уже намьревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ, и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Псттъ и темное чувство собственнаго долга.

ГЛАВА ІІ.

Дни, мѣсяцы проходили—и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить женщину, обольщенную имъ. Графиня часъ-отъ-часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Сплетни свѣта стали утихать, и любовники начинали цаслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча помня минувшую бурю и стараясь не думагь о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть на досугъ, это было письмо Пстра I. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ герцогу, что онь ни въ чемъ неволить Пбрагима не намъренъ, что предоставляетъ его доброй волъ возвратиться въ Россію или нътъ; но что во всякомъ случать онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глуби-

ны ссрдца. Съ той минуты участь его была рышена: на другой день онъ объявилъ регенту свое намъреніе немедленно отправиться въ Россію. «Подумайте о томъ, что дълаете» сказалъ ему герцогъ: «Россія не есть ваше отечество; не думаю, чтобъ вамъ когда-нибудь удалось опять увидъть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребывание во Франціи сдълало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились поддапнымъ Петра. Повърьте мнъ: воспользуйтесь великодушнымъ позволеніемъ, останьтесь во Франціи, за которую вы уже проливали кровь, и будьте увърены, что и здъсь ваши заслуги и дарованія не осганутся бозь достойнаго вознагражденія.» Ибрагимь искренно благодариль герцога, но остался твердъ въ своемъ намъреніи. «Жалью» сказаль ему регенть: «но впрочемъ вы правы.» Онъ объщаль ему отставку и написаль обо всемь Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунѣ своего отъѣзда провелъ онъ, по-обыкновенію, всчеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибрагимъ не имѣлъ духа ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себъ и шутила надъ его задумчивостью. Послѣ ужина всѣ разъѣхались. Остались въ гостиной графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Несчастный отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ только остаться съ нею насдинѣ, но графъ L., казалось, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надъяться

выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали. «Воппе nuit» сказала наконецъ графиня. Сердце Ибрагима стъснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно. «Воппе nuit, messieurs,» повторила графиня. Онъ все не двигался.... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась, онъ едва могъ выдти изъ компаты. Пріѣхавъ домой, опъ почти въ безпамятствъ написалъ слѣдующее письмо.

«Я ъду, милая Леонора, оставляю тебя навсегда. Пишу тебъ, потому-что не имъю силъ иначе съ тобою объясниться.

«Счастіе мое не могло продолжаться: я наслаждался имъ вопреки судьбъ и природъ. Ты должна была меня разлюбить, очарованіе должно было исчезнуть. Эта мысль меня всегда преслъдовала, даже въ тъ минуты, когда, казалось, забывалъ я всс, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною нъжностію.... Легкомысленный свътъ безпощадно гонить на самомъ дълъ то, что дозволяетъ въ теоріи: сго холодная насмъщливость рано или поздно побъдила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу, и ты наконсцъ устыдилась бы своей страсти.... Что было бъ тогда со мною? Нътъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты пе могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все что́ ты вытериъла; всть оскорбленія самолюбія, всть мученія боязни, вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженть ли я, подвергать тебя долже ттыть же волненіямь и опасностямь? Зачты силиться соединить судьбу столь нты негра, прекраснаго созданія ста бъдственной судьбою негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія человтка?

«Прости, Леонора, прости, мильй, единственный другь. Оставляя тебя, оставляю первыя и послъднія радости моей жизпи. Не имью ни отечества, ни ближнихь; ъду въ Россію, гдъ мнъ отрадою будеть мое совершенное уединсніе. Строгія занятія, которымь отнынъ предаюсь, если не заглушать, то по - крайней - мъръ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства.... Прости, Леонора! Отрываюсь отъ этаго письма, какъ-будто изъ твоихъ объятій. Прости, будь счастлива и думай иногда о бъдномъ негръ, о твоемъ върномъ Ибрагимъ.»

Въ ту же ночь онъ отправился въ Россію.

Путеществіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидаль. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностію. Чъмъ болье удалялся онъ отъ Парижа, тъмъ живъе, тъмъ ближе представляль онъ себъ предметы, имъ покидаемые навъкъ,

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на Русской границъ. Осень уже наступала; но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его съ бы

стротою вътра, и въ 17 дней своего путешествія прибыль онь утромъ въ Красное-Село, чрезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 версть до Петербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошель въ ямскую избу. Въ углу человъкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтань, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столь, читаль Гамбуржскія газеты. Услышавь что кто-то вошель, онь подняль голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вставая съ лавки: «здорово, крестникъ.» Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приближился, обняль его и поцьловаль въ голову. «Я быль предувъдомлень о твоемъ прівздь» сказаль Петръ: «и поъхаль тебъ на встръчу. Жду тебя здъсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находиль словь для изъявленія своей благодарности. «Вели же» продолжалъ государь «твою повозку везти за нами, а самъ садись со мною и потдемъ ко мнт.» Подали государеву коляску; онъ сълъ съ Ибрагимомъ, и они поскакали. Чрезъ полтора часа они прітхали въ Петербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрълъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію своего государя. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побъду человъческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома казались наскоро построены. Во всемъ городъ не было ничего великольпнаго, кромь Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась

у дворца, т. е. Царицына-Сада. На крыльцъ встрътила Петра женщина лътъ 35-ти, прекрасная собою, одътая по послъдней Парижской модъ. И стръ поцъловаль ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала ли ты, Катинька, моего крестника? прошу любить и жаловать его по-прежнему». Екатерина устремила на него черпые, проницательные глаза и благосклонно протянула ему руку. Двъ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приближились къ Петру. «Лиза» сказаль онь одной изъ нихъ: «помнищьли ты маленькаго арапа, который для тебя краль у меня яблоки въ Ораніснбаумъ? Вотъ онъ, представляю тебъ ero». Великая княжна засмъялась и покраснъла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи государя, столь быль накрыть. Петръ со всемь семействомъ сълъ объдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время объда государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разспрашивалъ его о Испанской войнь, о внутреннихъ дълахъ Франціи, о регенть, котораго онъ любиль, хотя и осуждаль въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ; Питръ былъ очень доволенъ его отвътами; онъ вспомнилъ нъкоторыя черты Пбрагимова младенчества и разсказывалъ ихъ такимъ добродущіемъ и веселостью, что никто ласковомъ и гостепріимномъ хозяинъ не могъ бы подозръвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послъ объда, государь, по Русскому обыкновецію, пошель отдохнуть. Ибрагимь осталея съ Императрицей и великими княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описываль образъ Парижской жизни, тамошніс праздники и своеправныя моды. Между-тъмъ нъкогорыя изъ особъ приближенныхъ къ государю, собралися во дворсцъ. Ибрагимъ узпалъ великолъпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутаго совътника Пстра, ученаго Брюса, прослывшаго въ народъ Русскимъ Фаустомъ; молодаго Рагузинскаго, бывша з своего товарища, и другихъ, пришедшихъ къ государю съ докладами и за приказаніями

Государь вышель часа черезъ два. «Посмотримь» сказалъ Онъ Ибрагиму: «не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску да ступай за мною.» Петръ заперся въ токарив и занялся государственными делами. Онъ по-очереди работаль съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генераль - полицмейстеромь Девіеромь, и продиктоваль Ибрагиму нъсколько указовъ и ръщеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому сго разуму, силъ и гибкости вниманія и разнообразію деятельности. По окончаніи трудовь, Петръ вынуль кармапную книжку, дабы справиться все ли имъ предполагамое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: «ужь поздно; ты, я чай, усталь: ночуй здесь, какъ бывало въ старицу; завтра и теби разбужу.»

Ибрагимъ, оставшись наединъ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ Петербургъ; онъ видълъ вновь великаго человъка, близь котораго, еще не зная ему цаны, провель онь свое младенчество. Почти съ раскаяніемъ признавался онъ въ душъ своей, что графиня L., въ первый разъ послъ разлуки, не была во весь день единственной его мыслію. Онъ увидъль, что новый образъ жизни, ожидающій его, ділтельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностію и тайнымь уныніемь. Мысль быть сподвижникомъ великаго человъка и совокупно съ нимъ дъйствовать на судьбу великаго народа, возбудила. въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія. Въ семъ расположеніи духа, онъ легь въ приготовленную для него походную постель, и тогда привычное сновидание перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА III.

На другой день Петев, но своему объщанію, разбудиль Ибрагима и поздравиль его капитань - лейтенантомь бомбандирской роты Преображенскаго полка, въ коей онь самь быль капитаномы: Придворные окружили Ибрагима, всякой по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожаль ему руку; Шереметсвъ освъдомился о своихъ Парижскихъ глакомыхъ, а

Головинъ позвалъ объдать. Сему послъднему примъру послъдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ получилъ приглашеній по-крайней-мъръ на цълый мъсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дъятельные, следственно не зналь скуки. Онъ день-отодня болъе привязывался къ государю, лучше постигалъ его высокую душу. Следовать за мыслями великаго человъка есть наука самая занимательная. Ибрагимъ видалъ Пстра въ сенать, оспариваемаго Бутурдинымь и Долгорукимь, разбирающаго важные запросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; въ часы отдохновенія видаль его съ Өеофаномъ Гавриловичемъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посъщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинеть ученаго. Россія представлялась ІІбрагиму огромной мастерскою; гдв движутся однъ машины, гдъ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занять своимь деломь. Онь почиталь и себя обязаннымь трудиться у собственнаго станка и старался какъ можно менъе сожальть объ увеселеніяхь Парижской жизни. Труднье было ему удалить отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думаль онь о графинь L., воображаль справедливое негодованіе, слезы ея.... Но иногда мысль ужасная ственяла его грудь: разсвяніе большаго свъта, новая связь, другой счастливецъ — онъ содрогался; ревность начинала бурлить въ Африканской его крови, и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утромъ сидълъ онъ въ своемъ кабинеть, окруженный дьловыми бумагами, какъ вдругъ услышаль громкое привътствіс на Французскомъ языкъ. Ибрагимъ съ живостію оборотился, и молодой К., котораго оставиль онь въ Парижъ, въ вихръ большаго свъта, обняль его съ радостными восклицаніями. «Я сейчась только прівхаль» сказаль К.: «и прямо прибъжаль къ тебъ. Всъ наши Парижскіе знакомые тебъ кланяются, жальють о твоемъ отсутствіи? Графиня L. вельла звать тебя непремънно, и вотъ тебъ отъ нея письмо.» Ибрагимъ схватилъ сто съ трепетомъ и смотрълъ на знакомый почеркъ надписи, не смъя върить своимъ глазамъ. «Какъ я радъ» продолжалъ К., «что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Пстербургъ! Что здъсь дълають? чъмъ занимаются? кто твой портной заведена ли у васъ хоть опера?» Ибрагимъ въ разстяніи отвъчаль, что въроятно государь работаеть теперь на корабельной верьфи. К. засмъялся. «Вижу » сказалъ онъ «что тебъ теперь не до меня; въ другое время наговоримся до-сыта, ъду представляться государю.» Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкъ и выбъжаль изъ комнаты.

Пбрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшӊо распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалсь, упрекая его въ притворствѣ и недовѣрчивости. «Ты говоришь» писала она «что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! еслибъ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня нечаянная вѣсть о твоемъ отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала будь увѣренъ, что, несмотря на мою любовь, я умѣла бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, что почитаешь ты своимъ долгомъ» Графиня заключала письмо страстными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка сй писать, если уже не было для нихъ надежды снова свидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цълуя безцьиныя строки. Онъ горълъ нетерпъніемъ услышать что-нибудь объ графинъ, и собрался вхать въ адмиралтейство, надвясь тамь застать еще К.; но дверь отворилась, и самъ К явился опять. Онъ уже представлялся государю-и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. «Entre nous» сказалъ онъ Ибрагиму «государь престранный человъкъ; вообрази, что я засталь его въ какой-то холстяной фуфайкъ, на мачть новаго корабля, куда принуждень я быль карабкаться съ моими депешами. Я стояль на веревочной лъстницъ и не имълъ довольно мъста, чтобъ сдълать приличный реверансь, и совершенно замъшался, чего отроду со мною не случалось. Однакожь государь, прочитавъ бумаги, посмотрълъ на меня съ головы до ногъ, и въроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по-крайней-мъръ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургь совершенный чужестранець; во время шестильтняго отсутствія я вовсе позабыль здешнія обыкновенія:

пожалуйста будь моимъ менторомъ, заѣзжай за мной и представь меня. Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратить разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному. «Ну, что графиня L.?» «Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало - по-малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Что же ты вытаращилъ свои арабскіе бълки? или это кажется тебѣ страннымъ? развѣ ты не знаешь, что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской? Подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ дороги; не забудь же за мною заѣхать.»

Какія чувства наполнили дуіпу Ибрагима! Ревіность? бізшенство? отчаянье? ність; но глубокое; стісненное участіє. Онъ повторяль себі: это должно было случиться. Потомъ открыль письмо графини, перечель его снова, повісиль голову и горько заплакаль. Онъ плакаль долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрівь на часы, увиділь онь, что время ізхать; Ибрагимъ быль бы очень радъ избавиться; но ассамблея было діло должностное, и государь строго требоваль присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ оділся и поізхаль за К.

К. сидълъ въ шлафрокъ, читая Французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй!» отвъчалъ тотъ: «ужъ половина шестаго, мы опоздаемъ; скоръй одъвайся и поъдемъ.» К. засуетился, сталъ звонить изо всей мочи, люди сбъжались; онъ сталъ поспъшно одъваться. Французъ

каммердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ, его принесли, К. всунулъ въ него стриженую голову, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвъжьи шубы и они поъхали въ Зимпій-Дворецъ.

К. осыпаль Ибрагима вопросами: кто въ Петербургъ первая красавица? кто славится первымъ танцовщикомь? какой танецъ ныньче въ модъ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между-тъмъ они подътхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливрев и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ: свита необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видъ Ибрагима поднялся между ими общій шопоть: арапъ, арапъ, дарскій арапъ! Онъ поскорве провель К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отвориль имъ двери настижь, и они вошли въ залу. К. остолбенълъ Въ большой комнать, освъщенной сальными свъчами, которыя тускло горъли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, посланники, иностранные купцы, офицеры гвардін въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукъ музыки. Дамы сидели около стень; молодыя блистали всею роскошью моды. Золото и серебро блистало на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась какъ стебель ихъ узкая талія; алмазы блистали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онъ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимой стариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кирилловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегръйку. Казалось, онъ болье съ удивленіемъ, чъмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шкиперовъ, которыя въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ вязали свой чулокъ, между собою смълсь и разговаривая, какъ-будто дома. Замътя новыхъ гостей, слуга подошель къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносъ. К. не могъ опомниться. «Que diable 'est ce que tout celà?» спрашивалъ К. вполголоса у Ибрагима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привътливо съ ними разговаривая. Государь быль въ другой комнать. К., желая ему показаться, насилу могь туда пробраться сквозь безпрестанно - движущуюся толпу. Тамъ сидъли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опорожнивая глиняныя кружки. На столачь разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мышки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ играль въ шапки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь такъ былъ озадаченъ печаяннымъ ходомъ своего противника, что не замътилъ К., какъ онъ около ихъ ни вертълся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявиль громогласно, что танцы начались, и тотчасъ ушелъ; за нимъ послъдовало множество гостей, въ томъ числъ и К.

Неожиданное эрълище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукъ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въдва ряда другь противъ друга, кавалеры низко кланллись, дамы сще ниже присъдали, сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налъво тамъ опять прямо, опять направо, и такъ далье. К., смотря на сіе затвиливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себъ губы. Присъданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и толстый господинь съ букетомь провозгласиль, что церемоніальные тапцы кончились и приказаль музыкантамъ играть менуэть. К. обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостьми одна въ особенности ему понравилась. Ей было около щестьнадцати леть; она была одъта богато, но со вкусомъ, и сидъла подлъ

мужчины пожилыхъ льтъ вида важнаго и суроваго. К къ ней разлетвлся и просилъ сдълать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотръла на него съ замъщательствомъ и, казалось, не знала что ему сказать. Мужчина, сидъвшій подль нея, пахмурился еще болье. К ждаль ея рышенія; но господинъ съ букетомъ подощелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказаль: «государь мой, ты провинился, во-первыхъ, подощедъ къ сей молодой персонъ, не отдавъ ей три должные реверанса, а вовторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогдакакъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамъ, а не кавалеру: сего ради имъешь ты быть весьма наказанъ-именно долженъ выпить кубокъ большаго орла.» К. часъ-отъ-часу болье дивился. Въ одну минуту гости его окружили, тумно требуя немедленнаго исполненія закона. Пєтръ, услыша хохоть и крики, вышель изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ толпа раздвинулась, и онъ вступиль въ кругъ, гдъ стоялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблен съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказаль Петръ увидя К.: «попался, брать. Изволь же, мосье, пить и не моршиться.» Дълать было нечего: бъдный щеголь, не переводя духу, осушиль весь кубокъ и отдаль его маршалу. «Послущай, К.» сказаль ему Петръ: «щтаны то на тебъ бархатные, какихъ и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ я съ

тобой не побранился.» Выслушавъ сей выговоръ, К. хотьль выдти изъ кругу, но запіатался и чуть не упаль, къ неописанному удовольствію государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дъйствія, но еще оживиль его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присъдать и постукивать каблуками съ большимъ усердісмъ и ужь вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повельнію отца своего Гаврилы Аванасьевича Рагузинскаго, подощла къ Ибрагиму и, потупя голубыя глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мъсто, потомъ, отыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепеталь: «проклятая ассамблея!... проклятый кубокъ большаго орла!...» Но вскоръ заснулъ кръпкимъ сномъ, не чуствовалъ какъ онъ прівхаль домой, какъ его раздъли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присъданія, табачный дымь, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

ГЛАВА ІУ.

Не скоро ъли предки наши, Не скоро двигались кругомъ Ковши, серебряныя чаши Съ киплицимъ пивомъ и виномъ.

Руслань и Людлина.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гаврилою Аванасьевичемъ Рагузинскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго, боярскаго рода, владълъ огромнымъ имъніемъ, былъ хльбосолъ, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна, -- словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ, по его выраженію, не терпълъ Нъмецкаго духу и старался въ домашнемъ быту со хранить обычай любезной ему старины. Дочери его было семнадцать льть отроду. Еще ребенкомь лишилась она матери. Она была воспитана по-старинному, т. е. окружена мамушками, нянюшками подружками и сънными дъвушками, шила золотомъ и не знала грамоты; отецъ ел, несмотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ Нъмецкимъ у плъннаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ до-Сей заслуженный танцмейстерь имъль льть пятьдесять отроду; правая нога была у него прострълена подъ Нарвою, и потому была невесьма способна къ менуэтамъ и курантамъ; за то лъвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдълывала самыя трудныя на. Ученица делала честь его стараніямъ. Наталья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К., который на другой день прівзжалъ извиняться передъ Гаврилою Аванасьсвичемъ; но ловкость и щегольство молодаго франта не понравились гордому барину, который прозваль его остроумно Французской обезьяною.

День быль праздничный. Гаврила Аванасьевичь ожидаль нъсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной заль накрывали длинный столь. Гости съвзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными отъ затворничества домашняго указами государя и собственнымъ его примъромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный поднось, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпиль свою, жалья, что поцьлуй, получаемый въ старину притакомъ случаъ, вышель ужь изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мъстъ, подлъ хозяина, свлъ тесть его князь Борисъ Алексвевичь Лыковъ, семидесятильтній бояринь; прочіе гости, наблюдая старшинство рода и темъ поминая счастливыя времена мъстничества, съли - мужчины по одной сторонъ, женщины по другой; на концъ заняли свои привычныя мъста: барская барыня, въ старинномъ шушунъ и кичкъ; карлица, тридцатилътняя малютка, чопорная и сморщенная, и планный танцмейстерь въ синемъ, поношенномъ мундиръ. Столь, усгавленный множествомь блюдь, быль окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между которою отличался дворецкій строгимь взоромъ, толстымъ брюхомъ и ведичавой неподвижностію.- Первыя минуты объда посвящены были единственно на вниманіе къ произведеніямъ старинной нашей кухни; звонъ тарелокъ и дъятельныхъ ложекъ возмущаль одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесъдою, оборотился и спросиль: «а гдѣ же Екимовна? позвать ее сюда.» Нъсколько слугъ бросились-было въ разныя стороны, по въ ту же минуту старая женщина, набъленная и нарумяненная, убранная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндъ, съ открытой шеей и грудью, вошла припъвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

«Здравствуй, Екимовна» сказаль кн. Лыковь: «каково поживаещь?»

—По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да плящучи, женишковъ поджидаючи.

«Гдъ ты была, дура?» спросиль козлинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по царскому наказу, по болрскому приказу, на смъхъ всъму міру, по Нъмецкому маниру.»

При сихъ словахъ поднялся громкій хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломь хозяина.

«А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ» сказала Татьяна Аванасьевна, старшая сестра козяина, сердечно имъ уважаемая. «Подлично нынѣшніе наряды насмѣчъ всему міру. Коли ужь и вы, батюшки, обрили себъ бороду и налѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, ко-

нечно, нечего; а право жаль сарафана, дъвичьей ленты и повойника! Въдь посмотръть на нынъшнихъ красавицъ—и смъхъ и жалость: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою, животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется, исподницы напялены на обручи, въ колымагу садятся бочкомъ, въ двери входятъ — нагибанотся: ни стать, ни състь, ни духъ перевесть—сучийя мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, матушка Татьяна Аванасьевна!» сказаль Кирилла Петровичь Т., бывшій въ Рязани воевода, гдъ нажиль себь 3000 душь и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. «По мнѣ жена какъ хочешь одъвайся, хоть кутафьей, хоть болдыханомь: только бъ не каждый мъсяцъ заказывала себъ новыя платья, а прежнія бросала новёшенькія. Бывало, внучкъ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а ныньшніе робронды-поглядишь: сегодня на барынь, а завтра на холопкъ. Что дълать? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и только.» При сихъ словахъ, онъ со вздохомъ посмотръль на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинъ, ни порицанія новъйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздъляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

[—] А кто виноватъ? сказалъ Гаврило Аванасьевичь, напъня кружку кислыхъ щей. Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ потакаемъ.

«А что намъ дълать, коли не наша воля?» возразилъ Кирилла Петровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ теремъ: а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на ассамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды. Охъ ужь эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господъ за прегръшенія наши.»

Марья Ильинична сидъла какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербълъ; наконецъ она не вытерпъла, и, обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою: что находитъ онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

«А то въ нихъ дурно» отвъчалъ разгоряченный супругъ, «что съ-тъхъ-поръ, какъ онъ завълись, мужья не сладятъ съ женами; жены позабыли слово апостольское: жена да боится своего мужа; хлопочутъ не о хозяйствъ, а объ обновахъ; пе думаютъ какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ-вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынъ или боярышнъ находиться вмъстъ съ Нъмцами - табачниками да съ ихъ работницами? Слыхано ли дъло: до ночи плясатъ и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незизкомыми!»

— Сказаль бы словечко, да волкъ недалечко, сказаль, нахмурясь, Гаврила Аванасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мит не по нраву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самаго насмъхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повъса не напроказилъ чего съ дочерью;

а пыньче такъ молодёжь избаловалась, что ни на что непохоже. Вотъ, напримъръ, сынъ покойпато Евграфа Сергъевича К....., на прошедшей ассамблеъ, надълалъ такого шуму съ Наташей, что привель меня въ краску. На другой день, гляжу, катятъ ко мнъ прямо на дворъ; я думалъ: кого-то Богъ несетъ, ужъ не князя ли Александра Даниловича? Пе тутъ-то было: Ивана Евграфовича! Небось не могъ остановиться у воротъ да потрудиться пъшкомъ дойти до крыльца—куды! влетълъ, расшаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ-мышку будто шляпу, и начала кривляться, шаркать и кланяться во всъ стороны, приговаривая: «мусье.... мамзель.... ассамблея.... пардонъ.» Общій и продолжительный хохоть снова изъявиль удовольствіе гостей.

—Ни дать, ни взять—К....., сказаль старый князь Лыковь, отирая слезы смѣха, когда спокойствіе мало - по - малу возстановилось. А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Пѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать Богъ вѣсь на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи!) царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

«Ахти батюшки, князь» сказала Татьяна Аоанасьевна: «видъла, видъла его близехонько: какая жь у него страшная морда! перепугаль онъ меня, гръшную!»

— Конечно, — замѣтилъ Гаврила Аванасьевичъ: «человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону.... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опять ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: бѣгите отказать ему; да чтобъ и впредь....

«Старая борода, не бредишь ли?» перервала дура Екимовна: «Али ты слъпъ: сани-то государевы; Царь пріъхаль.

Гаврила Аванасьевичъ всталь посившно изъ-за стола'; всъ бросились къ окнамъ, и въ-самомъ-дълъ увидъли государя, который всходиль на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдълалась суматоха. Хозяинъ бросился на встръчу Петра; слуги разбътались, какъ одуръльне; гости перетрусились; иные даже думали, какъ бы убраться поскоръе домой. Вдругь въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все утихло, и Царь вошель въ сопровожденіи хозяина оторопълаго отъ радости. «Здорово, господа!» сказаль Петръ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпъ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приблизилась довольно смело, но покрасневь не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ-отъ-часу хорошвешь»

сказаль ей государь и, по своему обыкновению, поцъловалъ ее въ голову; потомъ, обратясь къ гостямъ: «что же? я вамъ помъщаль; вы объдали; прошу садиться опять, а мнв, Гаврила Аванасьевичъ, дай-ка аписовой водки». Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватиль изъ рукъ у него подносъ, самъ налилъ золотую чарочку и подаль ее съ поклономъ государю. Пстръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать объдъ. Всъ заняли свои прежнія мъста, кромъ карлицы и барской барыни, которыя не смъли оставаться за столомъ, удостоеннымъ царскимъ присутствіемъ. Петръ съль подль хозяина и спросилъ себъ щей. Государевъ деньщикъ подаль ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употребляль другаго прибора, кромъ своего. Объдъ, за минуту предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и говорливостію. продолжался въ тишинь и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не вдъ, гости также чинились и съ благоговъніемъ слущали. какъ государь по-Нъмецки разговаривалъ съ плъннымъ Шведомъ о походъ 1701 года. Дура Екимовна, нъсколько разъ вопрошаемая государемъ, отвъчала съ какою-то робкой холодностію, что (замъчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ объдъ кончился. Государь всталь, за нимь и всь гости. «Гаврида Аванасьевичь!» сказалъ онъ хозяину: «мнъ нужно съ тобою поговорить на-единь»-и, взявь его подъ руку, увель въ Современ. 1837, N° 2. 9

гостиную и заперъ за собою дверь. Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посъщеніи, и, опасаясь быть нескромными, вскоръ разъъхались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлъбъ - соль.

глава У.

Чрезъ полчаса дверь отворилась и Петръ вышель. Важнымъ наклоненіемъ головы отвътствоваль онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Татьяны Аеанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцъ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ увхалъ!

Возвратясь въ столовую, Гаврила Аванасьевичь казался очень озабочень; сердито приказаль онь слугамъ скоръе сбирать со стола, отослаль Наташу въ ея свътлицу и, объявивъ сестръ и тестю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдъ обыкновенно отдыхаль онъ послъ объда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Татьяна Аванасьевна съла на старинныя штофныя кресла, придвинула подъ ноги скамеечку; Гаврила Аванасьевичь заперъ всъ двери, сълъ на кровать, въ ногахъ князя Лыкова и началь вполголоса слъдующий разговоръ:

«Н едаромъ государь ко мнъ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесъдовать?»

- Какъ намъ знать; батюшка братецъ! сказала
 Татьяна Аванасьевна.
- —Не приказаль ли тебъ Царь въдать какое-либо воеводство? сказалъ тесть: давно пора; али предложиль быть въ отвътъ? Что же? въдь не однихъ дъяковъ и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ государямъ.

«Нѣтъ» отвѣчалъ тесть нахмурясь. «Я человѣкъ стараго покроя, а ныньче служба наша ненужна, хоть можетъ-быть православный Русскій дворянинъ стоитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да бусурмановъ. Но это статья особал.»

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Татъяна Аванасьевна, изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужь не бъда ли какая съ тобою приключилась? Господъ упаси и помилуй!

«Бъда не бъда, а признаюсь, я было-призадумался.»

- Что же такое, братець? о чемъ дъло? «Дъло о Наташъ: царь прівзжаль се сватать.»
- Слава Богу, сказала Татьяна Аванасьевна перекрестясь. Дъвушка на-выданьи, а каковъ свать, таковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совъть, а чести много. За кого же Царь ее сватаетъ?

«Гм!» крякнуль Гаврила Аванасьевичь: «за кого? то-то, за кого!»

— А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

«Оттадайте» сказаль Гаврила Аванасьевичь.

— Батюшка братецъ! отвъчала старушка: какъ наъъ угадать? Мало ли жениховъ при дворъ: всякій радъ взять за себя твою Наташу. Долгорукій что ли?

«Нътъ, не Долгорукій.»

— Да и Богъ съ нимъ: больно спъсивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

«Нътъ, ни тотъ, ни другой.»

— Да и мит они не по сердцу: вътрогоны, слишкомъ понабрались Итмецкаго духу. Ну такъ Мидославскій?

«Нътъ, не онъ.»

— И Богь съ нимъ: богать да глупъ. Что же? Елецкій? Львовъ? Нътъ? Неужь-то Рагузинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же Царь сватаетъ Наташу?

«За арапа Ибрагима.»

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыковъ приподняль голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повториль: за арапа Ибрагима?

— Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному діаволу.

«Но какъ же» возразилъ Гаврила Аванасьевичь «отказать государю, который за то объщаетъ намъ свою милость, мнъ и всъму нашему роду?»

— Какъ, воскликнулъ старый князь, у котораго сонъ совсъмъ прошелъ, Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

«Онь роду непростаго» сказаль Гаврила Аванасьевичь: «онь сынь арапскаго салтана. Басурмане взяли его въ плънъ и продали въ Цареградъ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Старшій брать арапа прівзжаль въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и»

- Слыхали мы сказку про Бову Королевича да Еруслана Лазаревича!
- Батюшка Гаврила Аванасьевичь! перервала старушка: разскажи-тко намъ лучше какъ отвъчальгосударю на его сватанье.

«Я сказаль, что власть его съ нами, а наше холопье дъло повиноваться ему во всемь.»

Въ эту минуту раздался за дверью шумъ. Гаврила Аванасьевичъ пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ; дверь отворилась, и увидъли Наташу въ обморокъ простертую на окровавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда государь заперся съ ел отцомъ; какое-то предчувствіе шепнуло ей, что дъло касается до нее, и когда Гаврила Аванасьевичь отослаль ее, объявивь, что должень говорить ея теткъ и дъду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезь внутренніе покои подкралась къ дверямь опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послъднія отцовскія слова, бъдная дъвушка лишилась чувствь и, падая, ударилась головою о кованный сундукъ, гдъ хранилось ея приданое.

Люди сбъжались; Наташу подняли, понесли въ ея свътлицу и положили на кровать. Черезъ нъсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о царскомъ арапъ, о свадьбъ, и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: «Валеріанъ, милый Валеріанъ, жизнь моя! спаси меня: вотъ они, вотъ опи!....» Татьяна Аванасьевна съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблъднълъ, закусилъ губы и молча вышелъ изъ свътлицы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взойти на лъстницу, оставался внизу. Что Наташа? спросилъ онъ. «Худо» отвъчалъ огорченный отецъ: «хуже чъмъ я думалъ: она въ безпамятствъ бредитъ Валеріаномъ.»

—Кто этотъ Валеріанъ? спросиль встревоженный старикъ. Неужели тотъ сирота, стрълецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домъ?

«Онъ самъ, на бъду мою!» отвъчалъ Гаврила Аванасьевичь. «Отецъ его во время бунта спасъ мнъ жизнь, и чорть меня догадаль принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два г да, по его просьбв, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ расплакалась, а онъ стоялъ какъ окаменълый. Мнъ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестръ. Но съ-тъхъ-поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нътъ. Но ръшено: она выйдетъ за арапа.»

Князь Лыковъ не противоръчиль: это было бы напрасно; онъ повхаль домой; Татьяна Аванасьевна осталась у Натациной постели; Гаврила Аванасьевичь, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатъ, и въ его домъ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, покрайней-мъръ столько же, какъ и Гаврилу Авана вича. Вотъ какъ это случилось. Петръ, занимаясь дълами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему: «я замъчаю, братъ, что ты пріуныль; говори прямо: чего тебъ не достаетъ?» Ибрагимъ увърялъ государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. «Добро» сказалъ государь, «если ты скучаещь безо всякой причины, такъ я знаю чъмъ тебя развеселить.»

По окончаніи работы, Петръ спросиль Ибрагима: «нравится ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты танцоваль минаветь на прошедшей ассамблеь?»—Она, государь, очень мила; и, кажется, девушка скромная и добрая. - «Такъ я жь тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли пы на ней жениться?»—Я, государь?.... «Послушай, Ибрагимъ: ты человъкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всъхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будеть, бъдной мой арапъ? Надобно тебъ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новычь связяхь, вступить въ союзь съ Русскимь боярствомъ».--Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями вашего величества. Дай Богъ мит не пережить моего Царя и благодътеля: болъе ничего не желаю. Но еслибъ и имълъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дъвушка и ея родственники? Моя наружностъ «Твоя наружность? какой вздоръ! чъмъ ты не молодецъ? Молодая дъвушка должна повиноваться воль родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Рагузинскій, когда я самъ буду твоимъ сватомъ?» При сихъ словахъ, государь велълъ подавать сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Жениться?» думаль Африканець: «зачьмь же ньть? Ужели суждено мнь провести жизнь вь одиночествь и не знать лучшихь наслажденій и священньйшихь обязанностей человька, потому только что я родился подъ знойнымь градусомь? Мнь нельзя надъяться быть любимымь: дътское возраженіе! Развыможно вырить любви? развысуществуеть она выженскомы легкомысленномы сердць? Отказавшись навыкь оть ми-

лыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія, болье существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Рагузинскою присоединитъ меня къ гордому Русскому дворянству, и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествъ. Отъ жены я не стану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу пріобрѣту постоянной нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.»

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышаль онъ голосъ Петра, оглянулся, и увидѣлъ государя, который, отпустя сани, шолъ за нимъ съ веселымъ видомъ. «Все, братъ, кончено!» сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: «я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но смотри, потѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности — и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь» продолжалъ опъ потряхивая дубинкою «заведи меня къ плуту-Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.»

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великольпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

ГЛАВА ҮІ.

Тихо теплилась дампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ коемъ блистали золотые и серебрянные оклады наслъдственныхъ иконъ. Дрожащій свътъ ея слабо озарялъ занавъшенную кровать и столикъ, уставленный стклянками съ ярлыками. У печки сидъла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерываль одинъ тишину свътлицы.

«Кто здѣсь?» произнесъ слабый голосъ. Служанка встала тотчасъ, подошла къ кровати и тихо приподляла пологъ. «Скоро ли разсвѣтетъ?» спросила Наталья. Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. «Ахъ Боже мой, отчего же такъ темно?» Окны закрыты, барышня. «Дай же мнѣ поскорѣе одѣваться.» Нельзя, барышня: дохтуръ не приказаль. «Развѣ я больна? давно ли?» Вотъ ужь двѣ недѣли. «Не ужъто? а мнѣ казалось будто я вчера только легла...»

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣянныя мысли: что-то съ нею случилось, но что именно—не могла вспомнить. Служанка все стояла передъ нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумь. «Что такое?» спросила больная. Господа откушали, отвѣчала служанка: встаютъ изо-стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аванасьевна. Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавъсъ и съла опять за самопрялку.

Чрезъ нъсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бъломъ широкомъ чепцъ съ темными лентами, и спросила въ полголоса: что Наташа? «Здравствуй, тётенька» сказала тихо больная; и Татьяна Аванасьевна къ ней поспъщила. Барышня въ памяти, сказала служанка, осторожно придвигая кресла. Старушка со слезами поцъловала блъдное, томное лице племянницы и съла подлъ нея. Вслъдъ за нею Нъмецъ-лекарь въ черномъ кафтанъ и въ ученомъ парикъ вошелъ, пощупалъ у Натальи пульсъ и объявиль по-Латинь, а потомъ и по-Русски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницы, написаль новый рецепть и увхаль, а старушка встала и, снова поцьловавь Наталью, тотчась отправилась съ доброю въстію внизъ къ Гаврилъ Аванасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ при шпатѣ, съ шляпою въ рукахъ, сидѣлъ царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аванасьевичемъ. К., растящувщись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Татьяну Аванасьевну, которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки. «Васъ зовутъ, Гаврила Аванасьевичъ» сказалъ К., оборотясь къ нему и перебивъ рѣчъ Ибрагима. Гаврила Аванасьевичъ тотчасъ пошолъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

«Дивлюсь твоему терпанію» сказаль К. Ибрагиму. «Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляещь къ тому свои нравоучительныя примъчанія! На твоемъ мъсть j'aurais planté là стараго враля и весь его родъ, включая туть же и Наталію Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной une petite santé. Скажи по совъсти: уже ли ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?»—Нътъ, отвъчалъ Ибрагимъ: я женюсь конечно не по страсти, по по соображенію, и то, если она не имъетъ отъ меня ръшительнаго отвращенія.—«Послушай, Ибрагимъ» сказаль К.: «посльдуй хоть разъ моему совъту; право, я благоразумнъе, чъмъ кажусь. Брось эту блажную мысльне женись. Мит сдается, что твоя невтста никакого не имъетъ особеннаго къ тебъ расположенія. Мало ли что случается на свъть? Напримъръ: я конечно собою недуренъ, но случалось однакожь мнъ обманывать мужей, которые были, ей Богу, ни чьмъ нехуже моего. Ты самъ.... помнишь нашего Парижскаго пріятеля графа Д? Нельзя надъяться на женскую верность; счастливь кто смотрить на это равнодушно. Но ты! ... Съ твоимъ ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплющеннымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шаршавой головой бросаться во всв опасности женидьбы? ...» — Благодарю за дружескій совътъ, прервалъ холодно Ибрагимъ. Но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дътей качать.... «Смотри, Ибрагимъ» отвъчалъ смъясь К., «чтобъ тебъ послъ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дълъ, въ буквальномъ смыслъ.

Но разговоръ въ другой комнатъ становился горячъ. «Ты уморишь ее» говорила старушка: «она не вынесетъ его виду.» Но посуди ты сама, возразилъ упрямый братъ: вотъ уже двъ недъли ъздитъ онъ женихомъ, а до-сихъ-поръ не видалъ невъсты. Онъ наконецъ можетъ подуматъ, что ея болъзнъ пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы время продлить, чтобъ какъ-нибудь отъ него отдълаться. Да что скажетъ и Царь? Онъ ужь и такъ три раза присылалъ спроситъ о здоровьи Натальи. Воля твоя, а я ссориться съ нимъ не намъренъ. «Господи Боже мой!» сказала Татьяна Аванасьевна: «что съ нею бъдною будетъ! По-крайней-мъръ пусти меня приготовить ее къ такому посъщеню. » Гаврила Аванасьевнать согласился и опять вошелъ въ гостинную.

—Слава Богу! сказаль онъ Ибрагиму: опасность миновалась, Натальъ гораздо лучше; еслибъ несовъстно было оставить здъсь одного дорогаго гостя Ивана Евграфовича, то я повель бы тебя вверхъ взглянуть на твою невъсту. К. поздравилъ Гаврила Афанасьевича, просилъ не безпокоиться, увърялъ, что ему необходимо ъхать, и побъжаль въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между-тъмъ Татьяна Аванасьевна спъшила приготовить больную къ появленію страшнаго гостя. Вошедъ въ свътлицу, она съла задыхаясь у постели, взяла Наташу за руку, но не успъла еще вымолвить слова какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аванасьевичъ отдернулъ занавъсъ, холодно посмот-

ръль на больную и спросиль, какова она. Больная котъла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразиль, и безпокойство овладъло ею. Въ это время показалось, что кто-то стояль у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову и вдругъ узнала царскаго арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примъчательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза.... сердце въ ней билось бользненно. Татьяна Аванасьевна подала брату знакъ, что больная кочетъ уснуть, и всъ вышли потихоньку изъ свътлицы, кромъ служанки, которая снова съла за самопрялку.

Несчастная красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей постели, подозвала служанку и послала ее за кормилицею. Но въ ту же минуту круглая, старая крошка какъ шарикъ подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась кормилица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслъдъ за Гаврилою Аванасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лъстницъ и притаилась за дверью, не измъняя любопытству сродному прекрасному полу. Наташа, увидя ее, выслала служанку, и кормилица съла у кровати на скамеечку.

Никогда столь маленькое тьло не заключало въ себъ столь много душевной дъятельности. Она вмъшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умъла она пріобръсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гаврила Аванасьевичъ слушалъ ел доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аванасьевна поминутно справлялась съ ел мнѣніями и руководствовалась ел совѣтами; а Наташа имъла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣтняго своего сердца.

«Знаешь, Ласточка» сказала она: «батюшка выдаеть меня за арапа.»

Кормилица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ся сморщилось еще болъе.

«Развъ нътъ надежды?» продолжала Наташа: «развъ батюшка не сжалится надо мною?»

Кормилица тряхнула чепчикомъ.

«Не заступятся ли за меня дъдушка или тетушка?»

—Нътъ, барьшия: арапъ во время твоей бользни всъхъ успълъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, князь только имъ и бредитъ, а Татьяна Аванасьевна говоритъ: жаль что арапъ, а лучшаго жениха гръхъ намъ и желать.

«Боже мой, Боже мой»! простонала бъдная Наташа.

—Не печалься, красавица наша, сказала кормилица, цълуя ея слабую руку. Если ужь и быть тебъ за арапомъ, то все же будешь на своей воль. Ныньче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ;

арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаща — заживешь припъваючи....

«Бъдный Валеріаны!» сказала Наташа, но такъ тико, что кормилица могла только угадать, а не слышать эти слова.

—То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ; кабы ты меньше думала о стрѣлецкомъ сиротъ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а батюшка не гнѣвался бы.

«Что?» сказала испуганная Наташа: «я бредила Валеріаномъ? батюшка слыша. ъ, батюшка гиъвается?»

—То-то и бъда, отвъчала кормилица. Теперь, если ты будещь просить его не выдать тебя за арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ тому причиною. Дълать нечего: ужь покорись волъ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ел сердца извъстна отцу, сильно подъйствовала на ел воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утъшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА УП.

Въ домъ Гаврилы Аванасьевича, изъ съней направо, находилась тесная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одъяломъ; передъ кроватью еловый столикъ, на которомъ горъла сальная свъча и лежали открытыя ноты. На стънъ висълъ старый синій мундиръ и его ровесница треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картина, изображающая Карла XII верхомъ. Звуки флейты раздавались въ этой смиренной обители. Плънный танцмейстеръ, уединенный ея житель, въ колпакъ и въ китайчатомъ шлафрокъ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинные Шведскіе марши. Посвятивъ цълые два часа на сіе упражненіе, Шведъ разобраль свою флейту, вложиль ее въ ящикъ и сталъ раздъваться.

А. Пушкинъ.